

В статье рассматривается взаимосвязь массовой – довузовской и профессиональной – систем образования в области архитектуры. Подчеркивается, что без единой политики в этих сферах не удастся преодолеть деградацию архитектуры и ее гуманизирующего влияния.

Ключевые слова: профессиональное обучение архитекторов, детские школы, архитектурная критика, СМИ, гуманизация культуры и архитектуры, перманентное образование.

Important ties between institutional and ordinary schools education system architectural criticism and popular books as necessary for providing humanistic values and creative potential in contemporary architecture

Keywords:
Architectural culture, professional education, mass media, permanent cultural education.

Вневузовское архитектурное образование

> Александр Раппапорт

Проблема архитектурного образования в наши дни выходит за границы вуховского образования, то есть за границы высших учебных заведений, архитектурных институтов и факультетов в академиях художеств, университетах и политехнических институтах.

Л. Кольстет в Ростове-на-Дону защитила в 2007 году диссертацию на звание кандидата педагогических наук, посвященную архитектурному образованию. Это симптом. Архитектурное образование выходит за узкие рамки профессии и начинает интересоваться педагогическую науку как особый тип образования, предполагающий целый комплекс специфически новых вопросов нового конструктивного, тотального и гуманитарного образования.

Архитектурное образование, ставшее в новое время одним из первых типов нового профессионального

обучения, вышедшего за рамки ремесленной подготовки в цехах, в силу ряда причин осталось одной из самых допотопных систем образования, отстав от научного и инженерно-технического образования политехникумов.

Одной из причин такого парадоксального отставания оказалось то, что самый предмет обучения – архитектура – не укладывается ни в схемы научного, ни в схемы инженерного знания и остается своего рода уникальным рудиментом синтетической культуры, преодоленной систематикой знаний нового времени.

Многочисленные попытки «подогнать» архитектуру к схемам науки потерпели на сегодня бесславный крах, а вот архитектурное образование продолжает жить в системе современной педагогики как своего рода чудом выживший динозавр.

И этот удивительный факт игнорируется современной философией и всей интеллектуальной практикой вопреки тому, что все, в большей или меньшей степени отчетливости понимают, что неудержимый рост городов, удушающий схематизм индустриального строительства и неспособность решить в архитектуре вопросы собственно человеческого смысла становятся уже угрожающими самой природе человека.

Теория архитектуры, которая могла бы взяться за решение этой задачи, обнаружила удивительное бесплодие и за отсутствием собственных идей питается крохами с барского стола философии, физики, психологии и прочих наук, в том числе социологии, незначительные успехи которой торжествуют во многом как раз тем, что в социологии так и не был освоен пласт

конструктивно-телесного бытия общественных систем, столь наглядно манифестируемый архитектурой.

Но если говорить об архитектурном образовании, то здесь феномен неадекватности его форм современным потребностям и требованием еще более очевиден.

Неспособность органически связать новые научные, философские и технические идеи с духом и смыслом архитектуры и проектной деятельности приводит к вырождению этой системы в бессмысленный набор представлений, как воплощение в карикатурном виде средневековой Суммы знаний и опыта.

Среди тем, которые должны были бы критически обсуждаться и исследоваться в сфере архитектурного образования, однако помимо вопросов собственной системы педагогического процесса в институтах остается малопонятым и тот факт, что архитектурное образование не может быть замкнуто стенами институтов, что оно само должно стать своего рода универсальным институтом культуры, то есть пронизывать все сферы культуры как особая тема и особая система ценностей человеческого бытия.

В диссертации Л. Кольстет делает один из важных выводов из этого факта, а именно потребность расширения архитектурного образования в низших его ступенях, которые автор называет «дovuзовским» архитектурным образованием. В качестве примеров такого образования она упоминает некоторые ставшие знаменитыми детские архитектурные студии, в том числе школу ЭДАС В. Кирпичева.

Однако в диссертации этот вопрос ставится и более широко – как необходимость введения архитектурного образования в курсы начальной и средней школы и дошкольного образования. Педагогика дошкольного воспитания давно уже освоила необходимость игровых методов, а среди этих детских игр как раз архитектурные игры (кубики, строительство песочных домиков) испокон века были и остаются важнейшими. Значимость детских архитектурных школ объясняется необходимостью с самого раннего возраста развивать способности детей к пространственному воображению и конструированию, существенные уже не только для архитектуры как таковой, но и как условие полноценного мышления и восприятия мира. В этих школах человек получает навыки пространственного воображения на самом важном уровне тактильно-вещественного манипулирования пятнами, объемами, пластическими материалами, фигурами и цветом. Имеющиеся в программах детских школ уроки рисования охватывают только небольшую часть необходимых для развития этих способностей сфер практической работы детей с материалом и навязывая детям идею изобразительности в ее самом простом (хотя и существенном) для воображения виде – как стремление к фактичности или нарративности.

К числу институционально освоенных форм довузовского обучения некогда относились архитектурные техникумы. В наши дни в связи с распространением компьютерной графики эти техникумы, видимо, резко изменяют свои программы, так как рисунок и черчение становятся в архитектуре чем-то рудиментарным. Сам по себе факт вытеснения архитектурного рисунка и черчения (их имеет смысл дополнить более широким понятием о моделировании) заслуживает тщательного теоретического анализа, так как с прогрессом компьютерных методов получения изображений теряется огромный пласт интуитивных навыков, смыслов и способностей профессии. К сожалению, как раз эти утраты не становятся предметом теоретических интересов тех, кто выступает за компьютеризацию архитектурного проектирования.

Все это говорит о том, что формы архитектурного образования неразрывно связаны с кругом вопросов о языке архитектурного проектирования и мышления, в частности, соотношения языков графических (построенных на основе визуальности) и вербальных, то есть словесных, а в равной мере и те, и другие языки

выступают в наше время в новые связи с языком математики, вернее множеством математических языков.

Проблема языка как такового всегда была и, вероятно, всегда останется хребтом всякой системы образования, в том числе и архитектурно-проектного. Классическая архитектура казалась таким языком до авангарда начала XX века. Затем на это место были поставлены остатки того, что не сгорело в пожаре авангардистской революции – а именно курс объемно-пространственной композиции (ОПК). Но беда в том, что ОПК – не язык архитектуры, а язык построения некоторых видов бумажно-макетного моделирования и составляет в общем объеме архитектурной действительности лишь часть, – насколько велика эта часть мы еще до сих пор не понимаем, но ясно уже, что едва ли она достигает даже 30% всех языковых средств и существенных смыслов зодчества.

Попытки дополнить ее пропорциональным анализом или архитектурной колористикой напоминают попытки воскресить скелет, пришивая к нему кусочки хвоста и раскрашивая косточки в разные цвета.

Иные направления восстановления языка архитектуры идут по пути собственно поэтики – в них архитектура становится предметом структурного или фактурного исследования. Я упоминаю их сейчас только потому, что приносит некоторую пользу в выработке некоторых (явно недостаточных) навыков профессиональной практики и культуры, они проникают и во вневузовское сознание, производят в нем мифологизацию (в дурном смысле слова) самой архитектуры и градостроительства как редукцию целостного понимания архитектуры к частностям. Получается нечто подобное тому, когда человека определяли как «двуногое без перьев».

Менее подвержена такого рода опасности та часть вневузовского архитектурного образования, которое постигает архитектуру как чисто культурно-исторический феномен. Парадокс этой ветви в современной культуре состоит в том, что профессионально она часто превышает уровень подготовки самих архитекторов. Любители истории архитектуры, не имеющие архитектурного образования, порой знают об архитектуре больше и понимают ее глубже, чем выпускники архитектурного вуза. Они лучше чувствуют стиль, эпоху, образ и смысл архитектуры, не владея при этом ни знанием технологии стройпроизводства, ни особенностями систем отопления и вентиляции, не

говоря уже о проблемах сортамента стройматериалов или норм проектирования.

На это стоит обратить внимание и тем, кто занят самим архитектурным образованием в вузах, и тем, кто мог бы содействовать развитию этого рода дилетантского образования любителей, хотя сегодня оно почти что ни на какую помощь официальных институтов не опирается и живет только самой своей заинтересованностью в культуре.

Тем самым я подхожу к одной из основных проблем вневузовского архитектурного образования, а именно – к исторической профессиональной критике. Эта критика сейчас имеет все права только в рамках туристического и собственно историко-археологического обеспечения культуры. При этом популярные туристические и специальные научно-исторические исследования очень часто выступают в столь размытых формах, что их уже не отделить друг от друга.

На самом деле эта проблема касается общекультурных стандартов. Качество туристических пособий по архитектуре определяется тем, на какой уровень общей культурной подготовки рассчитаны те или иные тексты. Они могут быть разделены на два больших класса – на догматические и проблемные тексты. В догматических излагаются вперемежку исторические факты, образные описания и оценки. В проблемных на первый план выносятся спорные вопросы интерпретации смыслов тех или иных исторических и архитектурно-художественных явлений и соответствующая аргументация. Рыночная конъюнктура периодических изданий постепенно сводит к языку дешевых туристических буклетов. Мне встречались критические тексты, написанные признанными именами в области архитектурной публицистики на языке туристских буклетов, в которых всякая попытка усложнить эти тексты трактуется как умничанье. Все это напоминает мне сетование Германа Гессе на засилье «фельетонной культуры», превращающей отрывной календарь в единственный источник культурного образования.

Разумеется, это уже не узкая проблема архитектуры, это общая стратегическая проблема культурной политики, поэтому мы здесь не будем обсуждать ее внутренние механизмы, подчеркнув лишь, что профессиональная и общая культуры органически связаны и не могут быть строго разделены, что не означает различия тури-